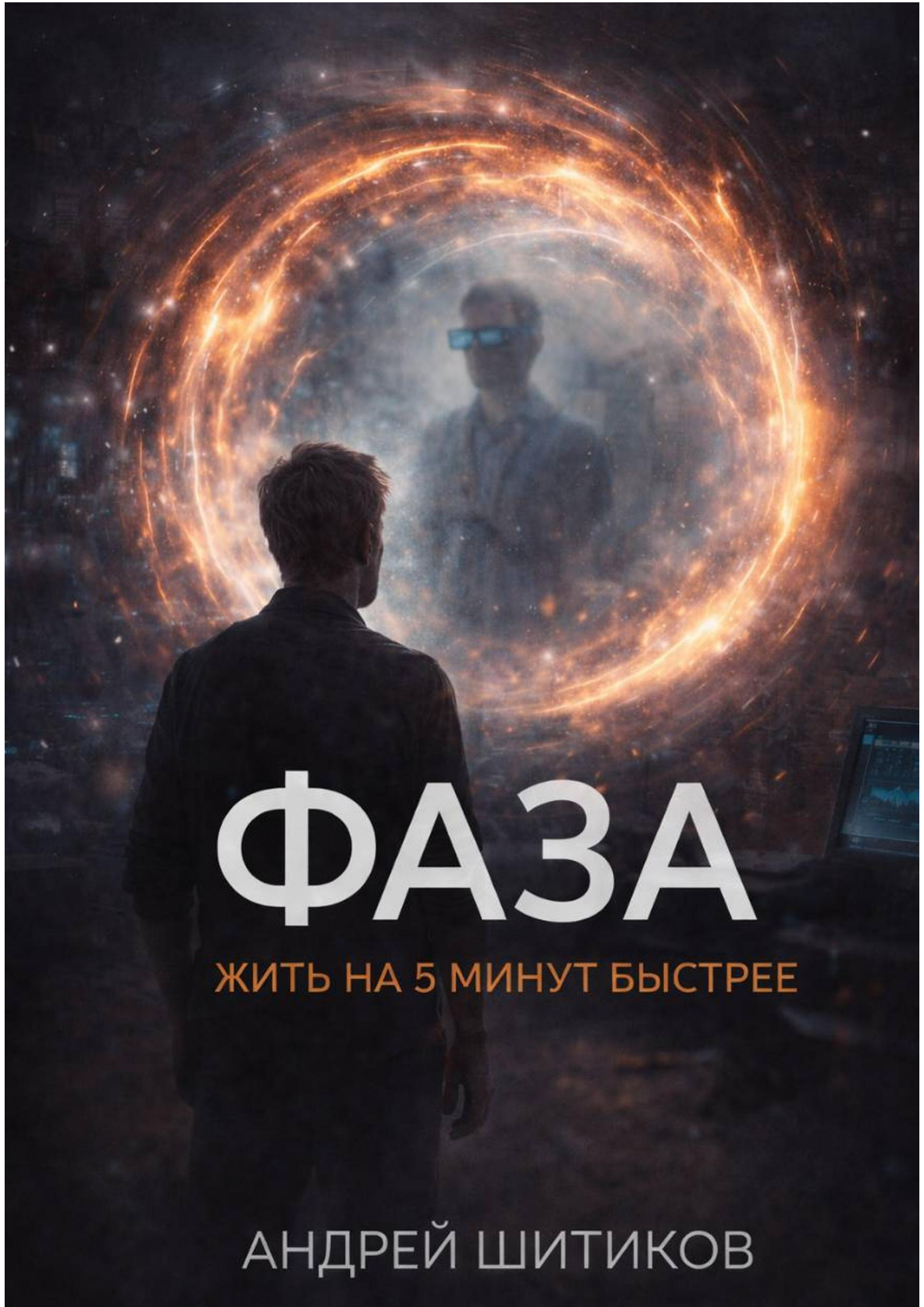

ФАЗА

ЖИТЬ НА 5 МИНУТ БЫСТРЕЕ

АНДРЕЙ ШИТИКОВ

След - Фаза

Андрей Шитиков

Фаза. Жить на 5 минут быстрее

«Автор»

2026

Шитиков А.

Фаза. Жить на 5 минут быстрее / А. Шитиков — «Автор»,
2026 — (След - Фаза)

Вторая книга вселенной, начатой книгой «След». Перед чтением рекомендуется познакомиться с первой частью. Иногда самое опасное открытие — не тайна мира, а человек рядом. Лео всё ближе подходит к разгадке природы реальности, где настоящее у каждого течёт по-своему. Но чем сильнее его тянет к границе неизвестного, тем крепче держит чувство, возникшее вопреки логике и осторожности. Это интеллектуальный детектив о выборе между бесконечностью и близостью — и о любви, которая способна стать сильнее времени.

© Шитиков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Раньше всех	5
ГЛАВА 2. Не схлопнулось	8
ГЛАВА 3. Линейно	11
ГЛАВА 4. Кот	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Фаза. Жить на 5 минут быстрее

ГЛАВА 1. Раньше всех

Илья проснулся не по часам — по внутреннему толчку. Он просыпался за несколько минут до будильника и лежал с открытыми глазами, чувствуя, как мир ещё не готов. Как будто сцена пуста, свет не включён, актёры за кулисами, а он уже стоит посреди зала.

Потом начались мелочи. Он говорил фразу — и собеседник отвечал на неё так, словно слышал другую. Он протягивал руку — и пауза между движением и ответным жестом становилась длиннее, чем должна быть. Не заметно, не резко, но постоянно.

Люди списывали это на усталость. Он — на себя.

Илья стал опережать разговоры. Заканчивал чужие мысли. Не потому что был умнее — просто они уже случались в нём. Когда человек напротив доходил до середины фразы, он знал, чем она закончится, с каким выражением лица, с какой интонацией. Иногда он кивал раньше, чем собеседник ставил точку, и тот смотрел странно — будто его перебили молчанием.

Со временем Илья перестал кивать.

В транспорте он вставал за секунду до остановки, и двери открывались именно тогда, когда он уже был у выхода. Это казалось удобным, почти приятным. Мир словно начал подстраиваться — или наоборот, запаздывать.

Он начал приходить раньше. На встречи, на работу, в гости. Не потому что боялся опоздать — потому что иначе не мог. Время впереди было плотным, как натянутая плёнка, и он всё время упирался в неё лбом.

Люди говорили:

— Ты чего такой дёрганный?

— Расслабься.

— Ты всё время куда-то спешишь.

Илья не спешил.

Он уже был там.

Первый раз он заметил особый взгляд на себе.

Это случилось в кафе. Он говорил что-то обычное — о погоде, кажется, — и в какой-то момент понял, что женщина за столиком напротив смотрит не на него. Не сквозь, не мимо — позже. Как будто её взгляд приходил с задержкой, как эхо.

Он замолчал.

— Ты что? — спросила она.

— Ничего, — сказал он. И только потом понял, что ответил раньше, чем она закончила вопрос.

Илья стал проверять. Не нарочно — осторожно. Говорил чуть быстрее. Делал шаг чуть раньше. Менял интонацию в середине фразы. Реакции начинали не совпадать. Словно мир больше не попадал в такт.

Через несколько недель он понял: дело не в реакции.

Дело в фиксации.

Люди перестали его удерживать взглядом. Он видел это ясно — глаза соскальзывали, как по гладкой поверхности. Не было испуга, не было удивления. Просто — отсутствие зацепки. Он мог стоять прямо перед человеком, говорить, двигаться, а тот через мгновение начинал смотреть чуть в сторону, будто разговор уже закончился.

Однажды он не получил сдачу в магазине. Продавец посмотрел на деньги в своей руке, на прилавок, на пустое место перед собой — и закрыл кассу.

— Простите, — сказал он.

Женщина вздрогнула.

— Ой... вы здесь? — сказала она неуверенно. И тут же снова отвела взгляд.

Он вышел на улицу с ощущением холода под кожей. Не страха — несовпадения. Как будто он начал выпадать из фокуса, как объект, который камера больше не распознаёт.

Вечером он встал перед зеркалом. Лицо было на месте. Руки, плечи, дыхание. Всё совпадало. Илья помахал себе — отражение повторило движение без задержки.

Зеркало было вовремя.

На следующий день его не заметили в лифте. Потом — в коридоре. Потом — на собрании, где он сидел в первом ряду. Люди проходили рядом, задевая его плечом, и тут же извинялись — не глядя, не понимая, кому.

Он начал говорить громче. Потом — тише. Потом — перестал говорить вообще.

Мир не стал пустым. Он стал поздним.

ГЛАВА 2. Не схлопнулось

С утра всё было неправильно.

Не пугающе — неточно.

Кофе был горячим. Илья обжёг пальцы, когда взял кружку, поставил её на стол и отдёргнул руку. Через секунду он сделал глоток — и не почувствовал тепла. Напиток был тёплым. Не остывшим — как будто изначально заваренным на другой температуре.

Он посмотрел внутрь кружки. Пар поднимался и тут же исчезал, как иллюзия, которая не уверена, что ей позволено существовать.

Илья сделал ещё глоток. Теперь кофе был холодным.

Он поставил кружку обратно. На столе остался след — круг, но не влажный и не сухой. Просто намёк на контакт. Он провёл по нему пальцем — ощущение было, как от поверхности, которая ещё не решила, была ли она затронута.

Илья не испугался. Странно, но нет.

Он почувствовал знакомое — давление впереди. Как будто мир снова не успевал за ним, но теперь не с запаздыванием, а с колебанием.

Он оделся и вышел на улицу.

Дверь подъезда хлопнула — и тут же осталась приоткрытой. Он обернулся: дверь была закрыта. Он толкнул её — она не поддалась. Потом поддалась сразу, слишком легко, и он вышел, споткнувшись о собственный шаг.

На улице люди шли одновременно быстро и медленно. Не размазанные, не двойные — просто каждый шаг казался вариантом. Как будто нога выбирала, куда опуститься, уже после того как коснулась земли.

Мальчик с мячом ударил по нему ногой — мяч отскочил и не отскочил. В одном случае он поймал его, в другом — мяч пролетел мимо и ударился о бордюр. Он стоял с вытянутыми руками и пустотой между ними.

— Извините, — сказал он.

Мальчик посмотрел на него удивлённо, потом перевёл взгляд туда, где он был секунду назад, и убежал.

Илья пошёл дальше.

Он зашёл в магазин. Взял бутылку воды. Касса пискнула раньше, чем он поднёс товар. Потом не пискнула вовсе. Экран мигнул суммой и тут же вернулся к нулю.

— Карта или наличные? — спросила кассирша, не поднимая глаз.

Он положил карту. Терминал мигнул «Одобрено», «Ошибка», «Связь прервана» — все три сообщения появились одно за другим, слишком быстро, чтобы быть последовательными.

— Прошло, — сказала она. — Или нет.

Она посмотрела на него впервые за всё время — внимательно, с напряжением, как смотрят на плохо сфокусированный предмет.

— Вы... подождите, — сказала она и моргнула. — Я сейчас.

Она ушла. Вернулась. Посмотрела сквозь него. Провела рукой по прилавку, где лежала бутылка, и убрала её в сторону.

— Вы уже оплатили, — сказала она кому-то за его спиной.

Он вышел, не взяв воду. Он не был уверен, есть ли она у него.

На улице он сел на скамейку. Холод дерева прошёл сквозь ткань — и не прошёл. Он чувствовал температуру как вопрос, а не как факт.

Илья закрыл глаза.

И впервые услышал шум.

Не звук. Не гул. А напряжение вариантов. Как если бы мир не выбирал, а удерживал сразу всё. Слишком много возможностей, слишком мало решений.

Он понял, что это не снаружи. Это внутри.

Он стал вспоминать. Пытаться зацепиться за что-то точное. Детали. Факты. Вчерашний день. Что он ел? С кем говорил? Был ли дождь?

Ответы приходили сразу — по несколько.

Он ел яичницу. Он не ел. Он собирался приготовить, но не стал. Он говорил с женщиной в лифте. Он ехал один. Был дождь. Было сухо. Он открыл зонт и закрыл его, не успев намочить руки.

Он открыл глаза резко.

Мир качнулся — и не выбрал, падать ли.

Илья встал. Скамейка осталась холодной и тёплой одновременно.

Он понял главное: прошлое перестало быть твёрдым. Настоящее — не фиксировалось. Будущее давило, как переполненная комната.

Он пошёл домой — и оказался у дома сразу и не сразу.

Подъезд был открыт. Подъезд был закрыт. Он протянул руку — и та прошла сквозь дверную ручку и не прошла. Он почувствовал металл и пустоту.

В этот момент Илья впервые испугался.

Не потому что мир ломался.

А потому что понял: он больше не находится в одном варианте мира.

И где-то, за пределами того, что можно было назвать «сейчас», что-то внимательно смотрело на него — не как на человека, а как на точку, которая отказывается схлопываться.

ГЛАВА 3. Линейно

Мысли текли нормально.

Это было важно.

Он держался за это как за поручень в темноте: если мысль идёт от начала к концу, значит, он ещё здесь. Значит, он не рассыпался. Он мог формулировать. Проверять гипотезы. Отбрасывать лишнее.

Он сел на кровать и начал разбирать происходящее, как задачу.

Первое: сумасшествие.

Психоз. Распад восприятия. Галлюцинации.

Он проверил критерии. Галлюцинации не спорят между собой. Они навязчивы, но однозначны. Они подменяют реальность, а не множат её. Здесь же не было образов — были варианты. Слишком структурированные, слишком согласованные, чтобы быть хаосом.

Кроме того, безумие не оставляет наблюдателя.

А он наблюдал.

Второе: усталость.

Депривация сна. Перегрузка.

Он лёг. Закрыл глаза. Открыл. Ему не хотелось спать. Усталости не было, и она не объясняла того, что дверь была и открыта, и закрыта, одновременно, без перехода.

Третье: сбой рецепторов.

Температура. Давление. Тактильные иллюзии.

Он взял кубик льда из морозилки. Положил на ладонь. Ожидал боли. Ожидал холода. Почувствовал и то и другое — и ни то ни другое. Лёд таял и не таял. Капля воды скатилась по коже и осталась на месте.

Рецепторы могут врать.

Но они врут одинаково.

Здесь они не договорились.

Четвёртое: химия.

Отравление. Наркотики. Газ.

Илья открыл окно. Вдохнул холодный воздух. Выдохнул. Голова была ясной. Слишком ясной. Никакой пелены, никакого расплывания. Только невозможная точность ощущений, как если бы мир стал резче обычного.

Он вспомнил, что не принимал ничего. Ни алкоголя. Ни таблеток. Ни даже кофе — если считать, что кофе сегодня вообще существовал.

Илья прошёлся по комнате, считая шаги. Двенадцать. Всегда было двенадцать. Сегодня их было двенадцать, тринадцать и одиннадцать — не по очереди, а сразу. Он остановился на отметке, где кровать обычно заканчивалась, и понял, что стоит и перед ней, и за ней.

Он сел. Или уже сидел.

Он выдохнул.

Все версии из его мира не подходили.

Не потому что были неверны.

А потому что его мир больше не был единственным.

Илья осознал это не как идею, а как потерю. Потерю фона. Раньше мир был твёрдым по умолчанию, и любые сбои рассматривались на его фоне. Теперь фона не было. Были только события, которые не соглашались между собой.

Илья посмотрел на свои руки. Они были спокойны. Пульс ровный. Дыхание устойчивое. Тело не паниковало.

Паниковала логика.

Он понял, что привычный мир закончился не в момент сбоя, а в момент, когда он исчерпал объяснения. Как язык, на котором вдруг кончились слова.

Он всё ещё думал линейно.

Но реальность больше не отвечала тем же.

И тогда, впервые, он допустил мысль, которую раньше бы отверг мгновенно:

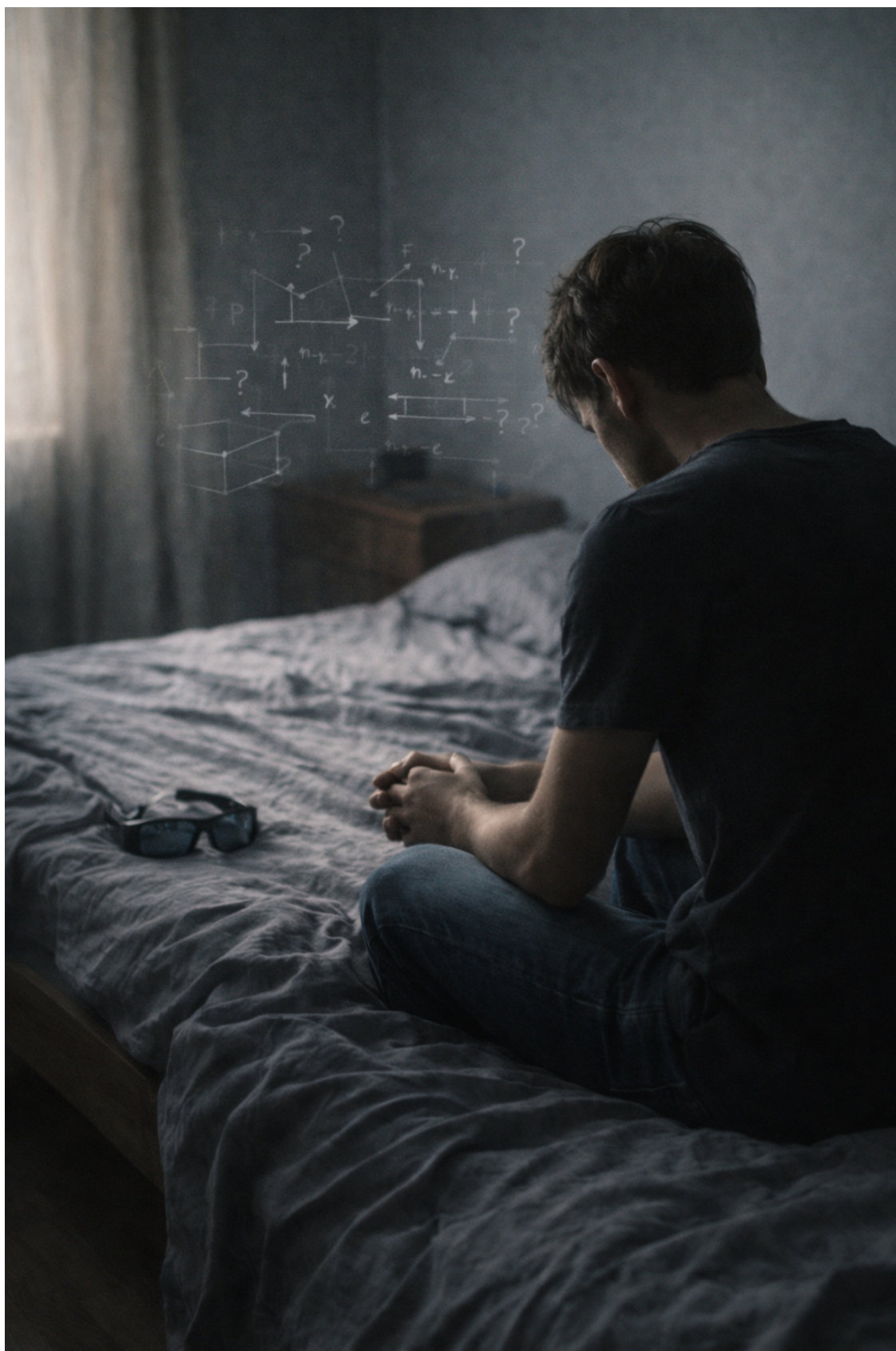
А что, если это не поломка восприятия?

Что, если мир перестал делать выбор?

Мысль была чужой. Неудобной. Она не имела опоры ни в опыте, ни в культуре, ни в науке, которую он знал. Илья не принял её. Он просто не смог её выкинуть.

Она осталась.

Как вариант.

ГЛАВА 4. Кот

Он перебирал теории.

Не в поисках истины — в поисках формы, в которую можно уложить происходящее, чтобы не распасться самому.

Многомировая интерпретация.

Слишком масштабно. Там миры расходятся, но внутри каждого всё стабильно. А у него нестабильность была локальной, персональной. Мир не ветвился — он дрожал.

Квантовый шум сознания.

Красиво, но бессмысленно. Шум не сохраняет структуру. Здесь структура была. Слишком аккуратная, чтобы быть случайной.

Иллюзия наблюдателя.

Сознание как источник коллапса.

Илья усмехнулся: если это так, то он должен был стабилизировать реальность, а не разрушать её. Он наблюдал — и всё становилось только хуже.

Симуляция.

Ошибка рендеринга. Недогруз текстур.

Удобно. Слишком удобно. Объясняет всё и ничего. Это был не баг — баги повторяются. А здесь каждое событие было уникальным.

Он остановился.

Все теории были про мир.

А сбой, возможно, был про него.

Илья посмотрел на своё отражение. Оно было чётким. Слишком чётким — как объект, который система решила просчитать с приоритетом.

И тогда мысль пришла не логически.

Она ужалила.

Я кот Шрёдингера.

Не в смысле эксперимента.

В смысле положения.

Он — объект, состояние которого не выбрано. Не потому что кто-то не знает, жив он или мёртв. А потому что сам мир отказывается принять решение, пока он внутри.

Он не наблюдатель.

Он — наблюдаемое.

Пока на него не смотрят — он существует в нескольких состояниях. Когда пытаются зафиксировать — мир спотыкается, запаздывает, отводит взгляд.

Илья вспомнил, как люди перестали его видеть. Не потому что он исчез. А потому что их реальность не могла его схлопнуть.

Он рассмеялся. Коротко, без радости.

— Значит, вот как, — сказал он вслух.

Звук его голоса отразился от стен и не отразился. Эхо было и не было. Даже звук не хотел определяться.

Он сел на подоконник. Ощутил холод и не ощутил. Почувствовал высоту и пустоту под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.